

## Глава 1

Государство Чжоу, столица, Юньчэн.

Стоял холодный декабрь. Городские гинкго уже сбросили золотую листву, растеряв всё своё величие, и теперь тянули к хмурому небу лишь голые, сиротливые ветви.

До Дня зимнего солнцестояния — одного из самых пышных и почитаемых праздников в государстве — оставалось немногим больше недели. В этот день по традиции лепили цзяоцзы, хотя праздничный стол, конечно, одними только сытными дамплингами не ограничивался: горожане вовсю готовили множество других изысканных угощений.

Лин Ду редко покидал стены своего дома. Он в принципе не жаловал вылазки в свет, предпочитая заказывать через сеть всё, что только было возможно. Однако сегодня ему пришлось сделать исключение и отправиться в Управление по делам Омег. Предстояло пройти ежегодное подтверждение личности и забрать праздничный подарок, который ведомство традиционно подготавливало для подопечных к зимнему солнцестоянию.

Перед выходом он заглянул в прогноз погоды: в Юньчэне обещали от двух до восьми градусов тепла, пасмурно, ближе к вечеру — мелкий дождь.

«Придётся взять зонт», — подумал Лин Ду. Найти свободное парковочное место возле здания Управления в эти дни — задача из разряда невыполнимых. Наверняка машину придётся оставить где-нибудь на приличном расстоянии, а остаток пути одолеть пешком.

Лин Ду было двадцать восемь лет, и он всё ещё оставался неженатым. Для здешнего общества одинокий «перезрелый» Омега его лет — явление феноменальное, редчайшее исключение из правил. Из-за этой уникальности в Управлении по делам Омег его имя давно стало нарицательным: его там знали буквально все, от мелких клерков до высшего руководства.

Сама мысль о том, что сейчас вновь придётся ловить на себе чужие взгляды — смесь праздного любопытства, фальшивого сожаления и приторного сочувствия, — вызвала у него глухое раздражение.

Стоя перед ростовым зеркалом, Лин Ду скрупулёзно разгладил лацканы строгого чёрного костюма и поправил галстук-бабочку. Убедившись, что наряд сидит безупречно и придраться не к чему, он достал из шкафа тяжёлый дорожный плащ — обязательный атрибут любого Омеги, покидающего дом.

Этот глухой плащ с глубоким капюшоном выдавался самим Управлением и служил своего рода визитной карточкой. Цветовая гамма была строго регламентирована — только чёрный или глубокий тёмно-синий. Плотная ткань выполняла важную практическую функцию: она частично приглушала феромоны Омеги, не давая им будоражить окружающих Альф, и одновременно защищала самого владельца от удушающего, агрессивного воздействия

доминантных Альфа-флюидов.

Запахнув плащ и набросив капюшон, Лин Ду скрыл лицо за чёрной защитной маской. Теперь в зеркальной глубине отражался лишь его холодный и безучастный взгляд, затерявшийся в тени плотной ткани.

Покинув гардеробную, он собрал все документы, необходимые для визита в Управление. Спускаясь по лестнице, Лин Ду придерживал полы длинного плаща, чтобы случайно не оступиться.

«И почему этот жутко неудобный балахон обязаны носить Омеги, а не Альфы?» — с досадой подумал он.

Ответ лежал на поверхности: власть в этом обществе безраздельно принадлежала Альфам. Но стоило Лин Ду углубиться в подобные мысли, как в висках начинало давяще шуметь. С тех пор как у него завершилась дифференциация, его не покидало ощущение, будто его насильно вырвали из нормальной реальности и забросили в извращённое, абсурдное зазеркалье — фантазмагорический мир, противоестественности которого большинство людей упрямо предпочитали не замечать.

В подставке для зонтов у двери стояли две трости. Одна принадлежала его брату-близнецу, Лин Хуаню. Скользнув по ней беглым взглядом, Лин Ду вытянул свой зонт и крепко сжал рукоять. Перед самым выходом на улицу он мельком глянул на своё отражение в прихожей — из-под капюшона сквозила глубокая, затаённая тревога.

С тех пор как Лин Хуань передал ему те секретные архивы и произнёс свои пугающе-странные напутственные слова, прошла неделя. Брат так и не вернулся домой. Все попытки связаться с ним не дали ровным счётом ничего — абонент был мёртв для сети.

Машина Лин Ду представляла собой массивный внедорожник на механическом управлении — brutальный зверь, которого обычно выбирали доминантные Альфы или рослые Беты. Сами Омеги, как правило, предпочитали миниатюрные, напичканные системами пассивной безопасности беспилотники с глухой автоматикой.

Активировав навигационную панель, он проложил маршрут. Дорога от его дома на окраине внешнего шестого кольца до здания Управления, расположившегося в пределах третьего кольца, должна была занять около полутора часов.

Лин Ду прекрасно помнил те времена, когда он ещё считался обычным Бетой. Будучи студентом Имперского политехнического университета во втором кольце, он регулярно добирался до окраины на общественном транспорте. Сядешь на скоростной маглев до шестого кольца, переседаешь на обычную ветку метро — и через полчаса ты уже дома.

Но стоило ему дифференцироваться в Омегу, как вход на линии скоростного городского

транспорта для него закрылся навсегда. Закон предписывал Омегам передвигаться исключительно на личном автотранспорте. И пускай щедрые государственные субсидии позволили ему без труда приобрести отличную машину, Лин Ду всё равно считал эти ограничения верхом абсурда и жуткой бытовой дискриминацией.

В бытность Бетой его жизнь текла размеренно и благополучно — он был свободен, мобилен и сам распоряжался своей судьбой. Всё рухнуло в восемнадцать лет, когда природа сыграла с ним злую шутку, запустив процесс дифференциации. Его мир перевернулся с ног на голову. Все юношеские мечты, планы на научную карьеру и жизненные ориентиры в один миг превратились в прах просто из-за того, что изменилась его биологическая роль.

Лин Ду давно перестал лить слезы и жаловаться на судьбу, но внутреннее неприятие никуда не исчезло. Копание в этих несправедливостях рождало лишь глухую, неконтролируемую ярость. Чтобы не позволить гневу отравить повседневность, ему приходилось непрестанно заниматься аутотренингом и держать эмоции в ежовых рукавицах. Стоило системе психометрии выявить у него малейшие признаки депрессии или ментальной нестабильности — и проблем с властями было бы не обойтись.

За три километра до Управления Лин Ду запустил поиск парковочных мест. На приборной панели высветился список ближайших стоянок. Быстро оценив варианты, он протянул тонкую бледную руку к сенсорному экрану и зарезервировал наиболее удобный сектор.

Вообще-то бортовой компьютер поддерживал голосовое управление, но Лин Ду терпеть не мог лишний раз раскрывать рот. Если можно было обойтись без слов, он всегда молчал — даже наедине с искусственным интеллектом собственного автомобиля.

Оставив внедорожник на подземной стоянке в километре с лишним от места назначения, Лин Ду вышел на улицу. С неба уже накрапывал мелкий, унылый дождь. Раскрыв огромный чёрный зонт, он зашагал по тротуару.

Этот район считался одним из самых оживлённых в столице. Ситуация усугублялась тем, что День зимнего солнцестояния официально объявили Днём защиты прав Омег. В преддверии праздника в окрестностях Управления традиционно собирались толпы подопечных ведомств, приехавших уладить годовые дела. Улицы намертво застревали в пробках. К тому же сюда вечно стекались толпы зевак, жаждущих поглазеть на редких Омег как на диковинку. В итоге правительству пришлось пойти на крайние меры: в этот период весь квартал оцепляли усиленные наряды полиции, отсекающие праздных любопытствующих.

Если на окраинах города приближение праздника почти не ощущалось, то здесь всё так и дышало слащавой, нарочито нежной атмосферой, созданной специально для Омег.

Под свинцовым небом на гигантских LED-экранах небоскрёбов непрерывно крутилась реклама: изящные дамские авто, элитная косметика, модные коллекции одежды и утончённый парфюм. Все дорожные разделители и клумбы были засажены камписом — цветком, выбранным официальным символом прав Омег. Изначально это вьющееся растение трудами

селекционеров превратили в морозостойкий кустарник, цветущий круглый год. Огненные бутоны — от ярко-оранжевого и пунцово-красного до глубокого пурпурного — пламенели вдоль дорог, олицетворяя собой навязанный государственной пропагандой образ Омеги: «прекрасного, но стойкого».

Лин Ду шёл мимо цветущих под дождём кустов, улавливая их едва приметный, сладковатый аромат. По пути ему то и дело попадались другие Омеги в точно таких же глухих плащах, спешащие к главному входу. Правда, в отличие от него, почти каждого из них бережно вели под руку сопровождающие.

Вскоре впереди показался циклопический комплекс зданий Управления по делам Омег. На колоссальном трёхэтажном стилобате возвышались три высотные башни в полсотни этажей каждая, окружённые полукольцом построек пониже. Этот архитектурный ансамбль, ставший одной из главных достопримечательностей столицы, официально именовался «Садом Камписиса».

Роскошь и монументальность комплекса должны были демонстрировать всему миру, как высоко империя ценит своих Омег. Именно здесь координировалась работа всех ведомств, курирующих жизнь этой касты как в самом Юньчэне, так и по всей стране.

У самого входа Лин Ду услышал чей-то удивлённый возглас:

— Смотрите, это же принцесса Юйцзэ! Опять в новостях... Наверное, из-за убийства её консорты в Саду Нефритового Пруда.

Толпившиеся у дверей люди стали притормаживать, устремляя взгляды на гигантский рекламный экран, установленный на фасаде стоящего напротив здания.

Принцесса Юйцзэ, старшая дочь покойного императора, была Омегой. Пожалуй, во всём государстве не нашлось бы человека, который не знал бы её лица.

Согласно законам государства Чжоу, заботящегося о «социальной стабильности» — формулировка, от которой Лин Ду всегда воротило, — Омегам запрещалось вести публичный образ жизни. Им перекрыли доступ к обычному общественному транспорту, выделив лишь редкие специализированные вагоны. На улице они обязаны были кутаться в бесформенные плащи. Нарушение этих предписаний каралось нещадным списанием баллов социальной надёжности.

Потеря баллов социальной надёжности напрямую била по кошельку: урезались государственные дотации. Разумеется, Омега мог взбунтоваться и пойти против системы, но тогда он лишался всякого содержания. Особо рьяных бунтарей и вовсе ждало принудительное ограничение свободы — проще говоря, пожизненное содержание под замком в специализированных заведениях.

Поэтому дураков добровольно нарываться на неприятности среди Омег не водилось. И лишь принцесса Юйцзэ в силу своего августейшего статуса регулярно появлялась перед камерами, неизменно приковывая к себе внимание всей империи.

С экрана на толпу смотрела женщина безупречной красоты. Благородное лицо овальной формы, молочно-белая кожа, изящный прямой нос и полные губы. Густые каштановые локоны принцессы были уложены в полураспущенную причёску, а в её карих глазах сквозило глубокое умиротворение. На ней было траурное чёрное платье, чей высокий воротник-стойка с оборками полностью скрывал шею.

В отличие от затворников-соплеменников, Юйцзэ держалась перед объективами уверенно. Сейчас она давала интервью правительственному телеканалу. Сквозь привычную величавую сдержанность проступала глубокая скорбь.

— Известие об убийстве моего супруга в поместье на горячих источниках разбило мне сердце, — надломленным голосом произнесла принцесса.

Она прижала тонкий батистовый платок, зажатый в обтянутых белым шёлком пальцах, к уголку глаза, аккуратно утирая выступившую слезу. Журналист поспешил высказать августейшей особе слова глубочайшего сочувствия.

Среди собравшихся у экрана Омег многие искренне сопереживали её горю.

Стоявшая неподалёку женщина всхлипнула:

— Бедная принцесса Юйцзэ, какая трагедия... Ей ведь всего двадцать восемь. Остаться вдовой в таком возрасте! Как она теперь будет жить без мужа?

Обнимавшая её за плечи спутница — статная Альфа, от которой отчётливо веяло горьковатой хвоей и терпкой цедрой, — нежно прижала её к себе:

— Думаю, принцесса справится. Она сильная женщина и обязательно преодолеет это испытание.

Чуть в стороне молодой Омега прижимался к мужу:

— Если бы с тобой что-то случилось, я бы и дня не прожил. Каким же чудовищем нужно быть, чтобы поднять руку на консорта её высочества? Надеюсь, этого мерзавца поймают и казнят как можно скорее.

— Ну что ты, милый, не принимай всё так близко к сердцу, — погладил его по спине супруг. — Покойный Ян Синъи принадлежал к клану Ян. А ты ведь знаешь, что сейчас вся власть в кабинете министров у них в руках. Это убийство... кто знает, какие там мотивы. Наверняка

обычная грызня за власть на самом верху...

Наткнувшись на недоуменный и явно неодобрительный взгляд своего партнёра, мужчина мгновенно прикусил язык, сообразив, что залез не в те дебри.

— Какая разница, что там в правительстве! У принцессы погиб любимый муж, и ей сейчас хуже всех, — капризно проворчал Омега. — Все эти политические дразги её не касаются. Главное, что она осталась совсем одна.

Супругу ничего не оставалось, кроме как капитулировать:

— Да-да, конечно. Ты совершенно прав, радость моя.

Лин Ду, невольно подслушавший этот обмен репликами, едва удержался от того, чтобы не фыркнуть.

«Что за чушь они несут? Да принцесса Юйцзэ, небось, от радости готова до потолка прыгать, что наконец избавилась от этого ублюдка Ян Синъи».

Даже если сама вдова не испытывала восторга, то уж Лин Ду точно ликовал в душе. Смерть консорта не вызвала у него ни капли жалости — только глубокое удовлетворение.

Впрочем, оставив свои соображения при себе, он молча двинулся дальше.

У самых дверей корпуса «В» он снова обернулся к экрану. Принцесса Юйцзэ на видео продолжала разыгрывать безутешное горе:

— Меня гложет невыносимое раскаяние... Если бы в тот роковой вечер я оказалась рядом с ним в кабинете! Случись мне закрыть его своим телом, выиграть хотя бы секунду, охрана подросла бы вовремя... О, во всём виновата только я...

Лин Ду мысленно закатил глаза.

Такой дешёвый драмкружок лишил его дара речи. «Какая самоотдача», — иронично отметил он про себя.

А прохожие вокруг всю цокали языками:

— Какая преданность! Любовь её высочества поистине не знает преград.

— Она образец истинной добродетели и верности...

«Что ж, представление удалось, — подытожил Лин Ду. — По крайней мере, толпа обывателей, добровольно запершихся в мире иллюзий, рыдает навзрыд».

Он аккуратно сложил зонт, передал его охраннику у дверей, который упаковал мокрую трость в пластиковый чехол, и шагнул в зону досмотра.

Сняв маску, Лин Ду приложил ладонь в тонкой перчатке к панели аппарата сенсорики феромонов. Устройство мгновенно считало его индивидуальный феромонный код.

Раздался мелодичный сигнал:

— Господин Лин, подтверждение личности пройдено. Пожалуйста, проследуйте в зону «Е» на двадцать втором этаже для получения зарезервированной услуги.

Шагнув за рамку металлодетектора, Лин Ду вежливо кивнул дежурному сотруднику и привычным маршрутом направился к лифтовым холлам.

Поднявшись на нужный этаж и отыскав кабинет номер 102, он наконец расстегнул тяжёлую пряжку плаща, повесил его на вешалку у входа и приветствовал дежурных специалистов:

— Добрый день.

В кабинете находились двое сотрудников — мужчина и молодая девушка, оба Бета. Мужчине на вид было около сорока, он отличался мягкими, располагающими чертами лица. Девушка, совсем юная, лет двадцати, смотрела на вошедшего живо и цепко.

— Здравствуйте, — в один голос отозвались они.

На бейдж мужчины значилось имя «Линь Сяохуа», на карточке его напарницы — «Сяо Вань».

Линь Сяохуа жестом пригласил гостя сесть и добродушно улыбнулся:

— Сяо Лин, какими судьбами! Давненько тебя не было, с прошлого визита месяца три прошло, не меньше.

Лин Ду едва заметно улыбнулся. Он неуловимо преобразился, и его обычно отрешённый, строгий облик растерял былую холодность. Эта мимолётная перемена мгновенно оживила его облик — словно в монохромный осенний пейзаж, написанный тушью, внезапно упал сочный багряный лист клёна.

Сяо Вань устроилась в Управление совсем недавно и этого знаменитого «холостяка-

переростка» видела впервые. Раньше ей доводилось наткаться лишь на его трёхмерную голограмму в базе данных. Тогда она лишь подивилась его абсолютно нетипичному для Омеги высокому росту, посчитав внешность привлекательной, но не выдающейся. Однако сейчас девушка застыла, не в силах отвести взгляд. Когда же Лин Ду обратил на неё свой глубокий, пронизательный взор, она мгновенно стушевалась, густо покраснела и уткнулась в бумаги, не смея больше поднять глаз. Сяо Вань и сама не понимала, откуда в этом замкнутом внешне мужчине столько необъяснимого, магнетического очарования.

— Учитель Линь, едва ли у вас найдётся много подопечных, обязанных отмечаться здесь каждые три месяца, — ровным голосом произнес Лин Ду, присаживаясь на стул. — Так что я тут на правах завсегдатая.

Линь Сяохуа сочувственно вздохнул:

— Тут ты прав, сынок. Чего греха таить.

Сяо Вань, всё ещё сгорая от смущения, тихо вставила:

— Господин Лин, вы... совсем не похожи на Омегу.

Лин Ду слегка опешил. Он удивлённо приподнял бровь, и в его голосе проскользнули те же холодные, неуловимо сложные интонации, что отличали его природный аромат:

— И на кого же я, по-вашему, похож?

Девушка обладала редкой чуткостью. При приёме на эту должность она с блеском сдала тест на эмпатию и психологическую восприимчивость к состоянию Омег, набрав высший балл. Вот и сейчас она мгновенно уловила, что гость задет её словами, пусть даже внешне он оставался безупречно вежлив. Это вогнало её в ещё большую краску.

— Мне кажется... от вас исходит энергетика, скорее присущая Альфам, — выдавила она, запинаясь.

— Вот как, — сухо обронил Лин Ду, не став развивать тему. Понять, сердится он или ему всё равно, было решительно невозможно.

Линь Сяохуа кивнул напарнице, велел подготовить диагностический комплекс, и повернулся к Лин Ду:

— Сяо Лин, правила есть правила. Даже учитывая твои частые визиты, мы обязаны начать со стандартной процедуры подтверждения данных.



— Разумеется, учитель Линь. Я готов.

Повинуясь жесту наставника, Лин Ду опустил руку в специальную нишу аппарата сенсорики феромонов. Согласно последним научным исследованиям, индивидуальный спектр флюидов являлся уникальнейшим маркером человеческого организма. Именно поэтому силовые и контролирующие ведомства империи всё чаще использовали его для биометрической верификации личности.

В отношении Омег эта мера была абсолютным стандартом. Если отпечатки пальцев, рисунок сетчатки или черты лица при современном уровне технологий ещё можно было подделать, а генетический код — обойти с помощью дорогостоящих препаратов, то структура феромонов считалась абсолютно неуязвимой для фальсификации. По крайней мере, так утверждала официальная наука.

Феромоны Альф и Омег всегда отличались высокой интенсивностью — их шлейф окружающие улавливали за версту. Считалось, что чем выше социальный и биологический потенциал особи, тем ярче выражен её индивидуальный запах и тем сильнее его суггестивное воздействие на толпу. Беты тоже обладали своим ароматическим фоном, однако он был настолько слаб, что человеческое обоняние едва ли могло его распознать — разве что в моменты предельной физической близости между любящими людьми. И всё же высокоточные датчики без труда фиксировали показатели Бета, переводя их, как и в случае с доминантными кастами, в самые сложные трёхмерные цифровые маркеры для баз данных.

На мониторе Линь Сяохуа уже высветилось подробное досье, но опытный сотрудник, строго следуя регламенту, зачитал вслух:

— Лин Ду, двадцать восемь лет, пол мужской, Омега. Дифференциация зафиксирована в возрасте восемнадцати лет и десяти месяцев. Проживает по адресу... Всё верно?

— Да, — привычно подтвердил Лин Ду.

— Далее, — Линь Сяохуа на секунду замялся. — Ввиду того, что четыре предыдущие попытки заключить брак сорвались по причине безвременной кончины кандидатов со стороны Альф, вы по-прежнему остаётесь неженатым. В целях поддержания вашего здоровья и снижения негативных симптомов в период течки вам было предписано совместное проживание с кровным родственником класса Альфа. В настоящее время вы делите жилплощадь со своим братом-близнецом Лин Хуанем. Данный статус остаётся неизменным?

— Да.

— Когда у вас была последняя течка?

Занимавшаяся подготовкой тестеров Сяо Вань украдкой стрельнула глазами в сторону Лин Ду.

Вопрос затрагивал глубоко интимную сферу, однако одинокие Омеги его возраста были обязаны отчитываться перед государством за каждый цикл. Лин Ду давно свыкся с этим унижительным правилом. Игнорируя любопытство стажёрки, он сухо ответил:

— Второго и третьего ноября. Двое суток. Из симптомов — лёгкая лихорадка, температура колебалась в пределах тридцати восьми градусов. Ощущалась общая слабость и сильная жажда. Никаких аномалий не выявлено. Сразу после окончания периода я прошёл плановое обследование. Вот медицинское заключение.

Линь Сяохуа скопировал документ в базу данных, внёс свежие записи и ободряюще улыбнулся:

— Отлично. Мы продолжаем подбирать для тебя подходящие кандидатуры в системе распределения браков. Как только появится совместимый кандидат, мы сразу сообщим.

Перспектива брака вызывала у Лин Ду лишь глухое отвращение, однако открытый отказ от сватовства грозил серьёзным штрафом.

— Благодарю вас, — выдавил он дежурную фразу.

От этой безукоризненной вежливости пожилому Бете стало не по себе. В его голосе зазвучали виноватые нотки:

— Сяо Лин, ты уж прости... Молодёжь нынче пошла не та. Эти Альфы из реестра совершенно не понимают своего счастья. Вкусы у них, видишь ли, извращённые — подавай им совсем хрупких Омег. А на мой взгляд, мало кто сравнится с тобой. Ты и сложен великолепно, и аромат у тебя потрясающий, благородный. Не смей унывать из-за того, что система барахлит со сватовством. Ты заслуживаешь лучшего.

Согласно демографическим отчётам империи, девяносто процентов населения составляли Бета. На долю Альф приходилось около девяти процентов, и лишь жалкий один процент рождался Омегами.

Подобная редкость превращала Омег в ценнейший государственный ресурс. Едва пройдя дифференциацию, подросток попадал под тотальный контроль Управления. Государство брало на себя все расходы по его содержанию, обучению и выплачивало пожизненное солидное пособие, гарантируя безбедное существование. Но за эти золотые оковы приходилось платить свободой. Чиновники решали, где Омеге учиться, какую профессию осваивать, а по достижении зрелости принудительно распределяли в брак. После свадьбы от них требовалось лишь одно — бесперебойно поставлять империи здоровое потомство.

Право на получение Омеги в супруги нужно было заслужить. Девяносто процентов соискателей составляли элитные Альфы, хотя изредка шанс выпадал и выдающимся Бета, совершившим нечто экстраординарное на благо родины. Все они выстраивались в очередь в той самой системе распределения, о которой говорил Линь Сяохуа. Процесс не был случайным:

суперкомпьютер скрупулёзно анализировал совместимость феромонов и психологические профили кандидатов. Если программа находила идеальное совпадение, претендентам устраивали свидание. В случае взаимной симпатии брак регистрировался.

Благодаря передовым алгоритмам анализа больших данных и синергетической ментальной индукции эффективность этой системы превышала девяносто процентов. Сухие цифры заменяли людям чувства, гарантируя идеальный союз с точки зрения биологии.

Лин Ду же оставался невостребованным по ряду весьма веских причин. Во-первых, критический по меркам Омег возраст. Во-вторых, нетипично высокий рост. В-третьих, за ним закрепилась зловещая слава «чёрного вдовца» — четыре кандидата, одобренных системой, скончались один за другим при трагических обстоятельствах ещё до свадьбы. В-четвёртых, его дифференциация завершилась непозволительно поздно — почти в девятнадцать лет. В обществе прочно укоренилось предубеждение, что у «поздних» Омег репродуктивная функция сильно снижена, и они не способны выносить полноценных Альф или Омег. Наконец, до изменения пола Лин Ду числился вундеркиндом в Имперском политехническом университете: поступил туда в четырнадцать, успел получить две бакалаврские степени и всю жизнь трудился над докторской диссертацией. Большинство Альф, какими бы сильными они ни были, попросту пасовали перед его интеллектом. Жениться на таком Омеге — всё равно что взять в супруги другого Альфу.

Лин Ду молча выслушал излияния чиновника, не выказав ни единой эмоции. Бросив взгляд на наручный хронометр, совмещавший функции коммуникатора и электронного удостоверения, он негромко произнёс:

— Учитель Линь, время поджигает. Думаю, пора переходить к оценке психического состояния, верно?

Линь Сяохуа решил, что парень уводит разговор в сторону из-за душевной боли от своего одиночества, и деликатно кивнул:

— Да-да, конечно. Давай проведём психометрию.

<http://bllate.org/book/20623/2113115>